

САМОПОГРЕБЕНИЕ ЧУДИ

Во многих местах Русского Севера, по преимуществу от бассейна реки Онеги и далее до Урала, жители полагали, а кое-где полагают и теперь, что до появления русских там обитала чудь, диковатый народ, в чем-то странный и, разумеется, отличный обликом от русских. Жители сами задавались вопросом, куда же исчезала чудь, и в разных местах по-своему давали ответ на этот вопрос. К числу таких ответов относятся предания о самопогребении чуди, безусловно призванные подчеркивать непричастность предков русских жителей к смерти чуди.

Впрочем, едва ли не самая ранняя фиксация этого предания у русских была отмечена не на Русском Севере, а на Алтае С.И.Гуляевым¹, чью статью «Чудаки, Чудь» затем использовал В.И.Даль в своей словарной статье «Чудо»². Оба они сблизили «сибирское» слово «чудь» со словом «чудаки», в чем просто следовали за народной этимологией. Сжато пересказывая предшественника, Даль среди прочего написал: «...испугавшись Ермака и внезапно явившейся белой березы, признака власти белого царя, *чудь* или *чудаки* вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли...» В конце статьи он привел народные выражения: «Чудь белоглазая! Чудь в землю ушла. Чудь живьем закопалась, чудь под землей пропала.»

Уже в XX веке на Урале, который кое-кто из фольклористов и по сей день относит к Сибири, и в самой Сибири предание о самопогребении чуди записывали нередко. Кое-где его записывали даже десятками вариантов, при этом чудь прямо или опосредованно отождествляли с каким-либо действительно жившим в этих местах народом: с татарами, тунгусами, алтайцами, баргутами и др. Здесь мы не станем касаться уральских и сибирских вариантов предания. Совершенно очевидно, что оно было перенесено на Урал и в Сибирь из европейской части страны, точнее с Русского Севера, где чудь давно превратилась в нарицательного этнического предшественника русских. Здесь ограничимся рассмотрением тех форм предания, которые были записаны на Русском Севере.

Среди них резко выделяется форма, взятая А.И.Соболевским из вологодского источника: «В окрестностях города [Никольска. – Ю.С.] жил некогда поганый народ, который прятался от русских в ямы, прикрытые сверху землей; русские обрушивали крыши на этих поганых и тем душили их»³. Описанная тут свирепость русских не подтверждается ни одним другим вариантом, даже в окрестностях того же Никольска: «Ямь выкапывала ямы, укрывалась в них и, когда сопротивление было уже невозможно, разбивала стойки потолков над ямами и погребалась под развалинами своих последних убежищ. У г. Никольска и до сих пор показывают еще такие ямы»⁴.

Иным предстает предание, услышанное на реке Онеге в среднем течении: «В глубокой древности в местах обитания Бережно-Дубровского прихода жила чудь белоглазая – язычники. Вот что говорят про них. Когда слух о просветительной деятельности Пахомия Кенского и Антония Сийского достиг и чуди-язычников, они подумали, что и их скоро будут крестить. Придав совсем иной смысл глаголу «крестить» (т.е. «четвертить», рассекать на четыре части), они убоялись и убежали в непроходимые леса близ реки Онеги. В лесах они и понаделали себе, особенно в песчаном грунте, подземных ходов, в которых будто бы от сгнивших подставок многие были завалены землею, оставшиеся же в живых приняли христианство. За деревнею Корельскою (!) и по настоящее время указывают выкопанные чудью норы»⁵.

На юго-востоке бывшего Каргопольского уезда (ныне Коношский район), в одном дневном переходе к востоку от Коноши, предание о самопогребении чуди связывали со Смутным временем, когда шайки «панов» ринулись в северные края: «Рассказывая о неистовствах и зверствах разбойников (литовцев, поляков и казаков), старожилы-валдиевцы прибавляют, что будто бы чудские жители, видя неизбежную гибель от разбойников, собирались в одно место, вырывали громадную четырехугольную яму, куда сносили все свои сокровища, а над ямою устраивали род хаты, на столбах. В ожидании мучителей собирались на верху хаты и ожидали своей участи. А, заведя разбойников, проворно подсекали столбы по низу и, упавая вместе с хатою на свои сокровища, погибали, при каких-то приговорах. После такой их гибели сокровища не отыскивались»⁶. Сомнительно, однако, что в районе Валдиева «чудские жители» еще сохраняли свой язык и образ жизни в начале XVII века. В этом тексте соединены элементы разных преданий: о нападениях «панов», самопогребении чуди и заклётых «сокровищах» (кладах). Контаминированный характер текста свидетельствует о том, что он сложен очень поздно, быть может, как раз для его публикации каким-то одним человеком: сложные контаминации, как правило, индивидуальны.

Среди фиксаций предания в XIX веке невозможно найти подлинную запись. Обычны переложения слышанного, которые в той или иной степени имеют развитый сюжет, в зависимости от способностей перелагателя. Подлинные народные рассказы, наверняка, всегда были скупыми. Похожий на такой рассказ обнаруживается в примечательной множестве сведений о местной чуди работе А.А.Шустикова. Он подал рассказ от имени крестьянина деревни Фоханихи Ильи Хайдукова (!), слышущего потомком чуди: «Около нашей деревни действительно жила чудь... Чуди погибли, вот как было дело: выкопали ямы глубокие, поставили столбов, навалили камня, залезли туда, столбы подрубили, их всех (?) и задавило... Нас и теперь еще зовут чудьями, и я хотел было переменить фамилию свою, будто не русская, да поп не дал, говорит: все равно фамилия, только молись Богу»⁷.

Предание о самопогребении было обнаружено в 1973 году в Ленском районе Архангельской области: «Были у нас такие ямы. Вот нам сказывали бабушки, дедушки, что вот «чудовы ямы» они звались. Чудики, чуди жили там, дикари они были. Они там не одевались (?), охотились. И вот когда чу-

жи люди [т.е. русские. – Ю.С.] появились, они их боялись. И они там вырыли яму и зашли, и завалили это всё. Подрубили там, где деревья понаставили. И там теперь они «чудовы ямы» и есть»⁸. Рассказчица, очевидно, не понимала того, что речь должна была идти не о деревьях, а о стояках. То же наблюдается и в другом варианте, записанном в той же деревне: «Это было двести или триста годов назад – были дикари. Дикари были. Откуда они взялись, неизвестно. Говорят, народ русский здесь стал уже, сюда переселяться, они стали пугаться, стали бояться. Они думали, что это, значит, антихристы (!), а не люди. Хотя это, конечно, люди, самим (!) понятно Они тогда вырывали вокруг деревьев яму и в яму лезли. А остальные поочередно все подрубили дерево, оно в яму падает, и они зарывались в землю от антихристов. У нас пять ям было на бору»⁹. В отношении стояков точнее была третья рассказчица, более пожилая, чем предыдущие рассказчики: «Я слыхала: чуди какие-то жили. Выкопают себе ямы, заберутся в ямы. Потолок худенький накроют, столбы поставят, а сверху на потолок землю насыпят. Потом столбы подпилят, и захоронит их»¹⁰.

В Глазовском уезде Вятской губернии самопогребение чуди привязывали к горным пещерам: «В глубокой древности край этот населяли язычники из дикого чудского племени, которые с течением времени неведомо куда исчезли, хотя упорное повествование и повествует следующее: когда появились на Руси церковные звоны, так «чучкой народ», испугавшись их, начал рыть в горах обширные пещеры, своды которых поддерживались на толстых деревянных стойках. Уйдя в глубину этих пещер, «чучки» люди частью подрубили, частью подожгли эти стойки, своды обрушились, и люди оказались все живьем засыпанными упавшею на них землею. О несомненном пребывании здесь чуди до сих пор свидетельствует масса памятников древности: городищ, курганов, древних могильников и т.п., слышущих в народе под именем веретий, слудок и гульбищ»¹¹.

Если в приведенном выше сообщении из Валдиева гибель чуди обусловливалась нападением «панов», то близ Вытегорского погоста уже сами пань по нераскрытой причине прибегли к самопогребению: «При деревне Кудоме (иначе Рахкова Гора или Сидорова) стоит одиноко в поле роща с часовнею; передают, что в роще этой пань похоронили себя вместе с детьми и всеми сокровищами... и поручили рыть [сыпать. – Ю.С.] землю на крышу до тех пор, пока она [не] провалилась и своею тяжестью [не] придавила их там»¹². Фиксация сюжета о самопогребении близ юго-восточного побережья Онежского озера представляется странной. В силу исторических обстоятельств там этот сюжет не должен был бытовать. Там русские устойчиво обосновались много раньше, чем, к примеру, в Валдиеве, и очень хорошо знали этнических соседей, медленно ассимилировавшихся благодаря мирному сожительству. К западу от реки Онеги эта фиксация сюжета, если не ошибаемся, – единственная, что тоже настораживает. Вероятно, сюжет о самопогребении был принесен туда из восточных мест той же Вологодчины и привязан к панам», чьи действия в начале XVII века на Вытегорщине были довольно продолжительными.

Само же перенесение, замена более ранней чуди поздними «панамиями», было нередким для разных преданий. Самосожжения старообрядцев, происходившие на Каргопольщине даже в 60-е годы XIX века, дали толчок к новым перенесениям. Так, в том же Валдиевском погосте «рассказы о язычниках смешиваются с воспоминаниями о самозажигателях. В Печерино-Пищалево язычники по какому-то случаю (!) собрались в одно место, выкопавши яму, положили в нее свои сокровища и, устроив над ними на столбах избу (!), сожглись с какими-то заговорами»¹³.

В другом месте Каргопольщины старообрядцы уже окончательно вытеснили чуди из предания о самопогребении: «Около речки Тёгры и озера Тёгринского есть место, известное и донныне под названием Стайнино, где староверы сами себя лишили жизни. Это было в досельное время, когда преследовали старообрядцев за их религиозные убеждения. Они же, не желая сносить гонений, выкопали ров, поставили среди него столб, на который навалили жердей, расположив последние от краев рва до столба радиусами. Поперек жердей наклали хвои и на нее набросали земли. Затем они сами залезли в эту яму, подрубили столб и таким образом были заживо погребены обвалившейся землей. Это было зимою»¹⁴.

Таковы формы или версии русского предания о самопогребении чуди, дошедшие до нас, повторяем, как правило, в передаче слушателей¹⁵. В своем бытовании они не дают определенного ареала. Предание, наверное, бытовало небольшими очагами. Лишь в верховье Ваги и ее притоков, на современном пограничье Архангельской и Вологодской областей, этот очаг заметно больший.

Ограниченность очагов бытования побуждает думать, что, по всей видимости, в тех местах существовала какая-то реалья, которая и породила представление о самопогибели чуди. Явственной такой реальией сами рассказчики считают «чудские ямы». Указывая на них, рассказчики убеждали себя и слушателей в некогда происшедшем самопогребении. Однако указания местных жителей на «чудские ямы» фиксировалось значительно шире и чаще, чем рассказы о самопогребении чуди. Следовательно, только в определенных случаях русские люди должны были находить не одни пустые ямы. Какие-то другие реалии в этих ямах должны были подтолкнуть к мысли о самопогребении чуди. И эти реалии действительно находились.

«У ижемцев... в могиле по бокам гроба устанавливают деревянные стойки; на эти стойки кладут деревянный настил (потолок) и уже на настил сыплот землю. Таким образом, между крышкой гроба и бревенчатым настилом остается незаполненное пространство несколько более половины метра высотой. С течением времени, когда подгнивают столбы, потолок проваливается, и на месте могильной насыпи часто образуется углубление», — такими въяве были погребения коми-ижемцев еще в 1950 году на средней Печоре, такими их видели в Ижемском районе Коми республики¹⁶. Очевидно сильное сходство между ижемскими погребениями и самопогребением чуди по русским рассказам. Но на средней Печоре о самопогребении чуди русские не рассказывают. Видя там ижемские погребения, русские не отождествляют ижемцев с некоей чудью. Они хорошо знают, что ижемцы — это

ижемцы, тогда как русские на Каргопольщине или на Кокшеньге, находя подобные странные погребения, явно уже не встречались с живыми устроителями таких погребений.

Погребения этого рода совершали не одни ижемцы. На реке Вымь, правом притоке Вычегды ниже Сыктывкара, сравнительно недавно обнаружена целая археологическая культура X–XIV веков, получившая название вымской. Носители этой культуры погребали усопших в бревенчатых срубках, помещенных в ямы, накрытых сверху берестой и присыпанных землей¹⁷. Рядом с усопшими обязательно оставляли лепную керамику, орудия, предметы быта, бронзовые и иные украшения, даже монеты западноевропейской чеканки: крестьянин, найдя столь богатое погребение, обязательно должен был подумать о самопогребении. По наблюдениям археологов, в более позднее время носители вымской культуры прибегали исключительно к трупосожжениям, отчего срубы и положенные в них предметы носят «следы сильного обжига»: обнаруживая подобное погребение и уже зная о самосожжениях старообрядцев, обычный русский житель мог легко отождествить древних покойников со старообрядцами, известными хотя бы по молве.

Погребения типа вымских, датируемые XI–XII веками, недавно были обнаружены археологами много западнее, в нескольких местах на реке Ваге в ее среднем течении. Описания совпадают: «В могильниках прослежены бревенчатые срубы, опущенные в могильные ямы и прикрытые берестой, следы кострищ; в заполнении ям наблюдались прослойки угля и золы»¹⁸. Археологи с горестью отмечают, что погребения часто были уже «разграблены». Нужно разделить горесть с ними, но вместе с тем следует признать, что «грабили» погребения местные русские жители. Они находили погребения гораздо чаще археологов, и теперь, наверное, от многих погребений ничего, кроме оплывших ям, не осталось. Русские жители дивились и утверждались в мысли о самопогребении «чуди», потому что никто не мог поведать им истину: к тому времени, когда русские жители стали находить древние погребения, их этнические предшественники уже не жили в этих местах либо так давно перешли к другому обряду погребения, типа грунтовых трупоположений, что тоже, вместе с русскими, воспринимали их как самопогребение «чуди».

По признанию археологов, погребения описанного рода непохожи на захоронения корелы и веси (вепсов). Следовательно, даже по этой причине в западной части Русского Севера у русских, находивших старинные погребения, не могла появиться мысль о самопогребении этнических предшественников. Вот почему отнесенный к Вытегорщине текст о самопогребении панов нужно признать чуждым для местной традиции.

Предание о самопогребении чуди сложилось там, где русские находили погребения типа ижемских или вымских. Такими местами теперь видятся бассейн Ваги и, возможно, протянувшиеся на запад от среднего течения Ваги к среднему течению Онеги мелкие очаги вроде Тёгринского озера или Валдиева. «Чудь» этих мест, как и везде, скорее всего жила небольшими

сообществами. По типу погребения она, очевидно, была родственной тем этническим сообществам, из которых позже складывались зыряне и пермяки.

Примечания

¹ Гуляев С.И. Этнографические очерки южной Сибири // Библиотека для чтения. – 1848. – Т. 90. – Вып. X. – С. 141.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. IV. – М., 1956. – С. 612.

³ Соболевский А.И. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя // Живая старина. – 1893. – Вып. 1. – С. 119. Слово «поганый» здесь употреблено в значении «нехристианский».

⁴ Журнал отделения этнографии. – 1 декабря 1873 г. // Известия РГО. – 1874. – Т. V. – № 2. – С. 35. Докладчик Е.К. Огородников подменил этноним. Вместо несоменной чуди он назвал этнических предшественников русских ямью, сославшись на суждения вычитанных им авторитетов. Между тем русским жителям тех мест этноним ямь вряд ли когда-либо был известен. О существовании ями там письменные источники также умалчивают.

⁵ Этнографические материалы. Бережно-Дубровский и Коневский приходы // Олонецкие губ. ведомости. – 1892. – № 63. Перепечатано: ОГВ. – 1898. – № 37. Пахомий Кенский и Антоний Сийский подвизались в начале XVI в. В 60-е годы XX в. экспедиции МГУ получали там лишь скудные сообщения о том, что чужд жила в ямах или в норах. Нежеланием «креститься, то есть отказаться от своих богов», мотивировано самопогребение чуди в д. Озерки на Кокшеньге: Угрюмов А.А. Кокшеньга. – Архангельск, 1992.

⁶ Этнографические материалы. Валдиево (сельский приход Каргопольского у.) // Олонецкие губ. ведомости. – 1892. – № 46. Слово «хата» неместное. Его употребление выказывает и неместное происхождение безымянного автора статьи.

⁷ Шустиков А.А. Тавреньга Вельского уезда Этнографический очерк // Живая старина. – 1895. – Вып. 3–4. – С. 372–373. Фамилия Хайдуков отнюдь не «чуждая». «Хайдутами» в значении «разбойники» турки называли людей из числа балканских славян, которые вели вооруженную борьбу с турками. Это слово привилось, и сами повстанцы называли себя в Болгарии «хайдутами», в Сербии – «хайдуками». Слово «гайду» появилось в России не ранее второй половины XVIII в., но у нас «гайдуками» стали называть вооруженных слуг, а позже – просто слуг.

⁸ Записано студентами МГУ от Н.С. Лукошниковой в д. Софроновка Ленского района.

⁹ Записано от Е.М. Яковлевой в той же д. Софроновке.

¹⁰ Записано от А.П. Бобцовой 84 лет в д. Выемково Софроновского сельсовета Ленского района.

В 1973 г. группа студентов во главе с преподавателем В.Кочетовым пользовалась нашим вопросником по чуди. Им удалось записать несколько разных преданий о чуди, включая приведенные здесь.

¹¹ Государственный музей этнографии. – Фонд Тенишева. – Отдел Ж. – Вятская губерния. Глазовский уезд. Корреспондент Шатров. – С. 1. Печатаем по копии, снятой для нас Э.В. Померанцевой, нашей незабвенной учительницей.

¹² Вытегорский погост // Олонецкие губ. ведомости. – 1885. – № 2. Мы опустили здесь с помощью многоточия условие добычи панских сокровищ.

¹³ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. – Петрозаводск, 1867. – С. 112. Сходным сообщением, по-видимому, располагал П.С. Ефименко: «Что каса-

ется до чудских ям, то одни из них признаются народом за признаки жилищ чуди, другие, в особенности с остатками бревен, за те углубления, над которыми чудь делала деревянные навесы и сожигала себя» (Ефименко П.С. Заволоцкая Чудь. [Ч. 2]. – Архангельск, 1869. – С. 129). Однако он не назвал источник и место фиксации.

¹⁴ Шустиков А.А. По деревням Олонецкого края (поездка в Каргопольский уезд). – Вологда, 1915. – С. 25. Тёгринское озеро находится примерно в трех дневных переходах к востоку от Няндомы, на полпути от Няндомы к реке Ваге в среднем течении.

¹⁵ Указания еще на некоторые русские варианты и фиксацию предания у других северных народов, преимущественно по старым источникам, см. также в работе: Смирнов Ю.И. Предания европейского севера о чуди // Проблемы финно-угорского фольклора. – Саранск, 1972.

¹⁶ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми XIX – начала XX вв. – М., 1958. – С. 328.

¹⁷ Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. – М., 1971. – С. 32, 34, 44, 46, 47, 69 и др. Ленский район, где в 1973 г. записаны русские тексты о самопогибели чуди, находится на том же правобережье Вычегды, что и река Вымь, несколько ниже по течению. Похоже, русские жители и там находили погребения типа вымских.

¹⁸ Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В.Седов. – М., 1987. – С. 65.

Э.Г.Рахимова
Москва, Россия

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ УПОДОБЛЕНИЙ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Выявление регулярной повторяемости художественных уподоблений – исключительно существенный раздел изучения системной организации поэтического языка устных (песенных) традиций разных народов. Не составляют исключения и разножанровые руны калевальской метрики в их этнопоэтической самобытности.

Руны *калевальской метрики* широко бытовали среди ряда прибалтийско-финских (*itämerensuomalaiset*) народов. Данный термин «*kalevalamittainen runous*», введенный в научный обиход фольклористами Финляндии, отражает этнопоэтическую реальность, поскольку широкому знакомству с аутентичными, бытовавшими в составе устного песенного репертуара сказаниями, лирическими песнями, а также заклинаниями предшествовало появление печатной эпопеи «Калевала». Она была со сравнительно высокой для своего времени текстологической достоверностью создана собирателем и поэтом Элиасом Лённротом в 1835 году (окончательная редакция – 1849 г.) на основе свода изустных записей от рунопевцев Беломорской Карелии, Прила-